

ГЛАВА...

ПРОЕКТ «ТИХАЯ ЗАВОДЬ»

Презентация «золотой рыбки»

Глава Совета подошел к стене.

Одним движением он активировал скрытый экран, который перекрыл вид на стеллажи с книгами. Молодые управленцы — неофиты в безупречных костюмах — затаили дыхание. Они ждали цифр прибыли, но Архитектор приготовил нечто иное.

На экране вспыхнули кривые.

Это не были графики ВВП или инфляции.

Это были отчеты о глубине человеческого фокуса.

Линии стремительно падали вниз, обрываясь в красную зону.

— Посмотрите на эти данные, господа, — Архитектор указал на точку излома.
— Сто лет назад человек мог удерживать концентрацию на одной мысли пятнадцать минут. Сегодня — три секунды. Это время одного свайпа. Одного моргания.

Он обернулся к аудитории с едва заметной ироничной улыбкой.

На экране появилось схематичное изображение стеклянной чаши.

— В биологии это называется «Аквариумная память». Мы превратили общество в популяцию золотых рыбок. Знаете, в чём их преимущество? Рыбке не нужна память на вчерашний день. Сделав круг, она каждый раз заново удивляется чистому стеклу и порции корма.

В зале послышались робкие смешки. Архитектор стал серьезным.

— Это и есть формула идеального счастья. Если человек не помнит, что было вчера, он не может сравнить это с сегодняшним днём. История обнуляется каждые сутки. Каждое утро мир создается для них заново, в идеальном разрешении и с правильным фильтром.

Он сделал паузу, давая молодым лидерам осознать масштаб задумки.

— У них нет прошлого, а значит, у них нет претензий к настоящему. Недоволен может быть только тот, кто помнит альтернативу. Мы лишили их памяти — и тем самым подарили им вечный покой.

Один из неофитов быстро записывал что-то в свой планшет. Архитектор холодно взглянул на него:

— Не утруждайтесь. Завтра вы сами не вспомните, почему эта мысль показалась вам важной. ГЛИСС позаботится о том, чтобы в ваших головах осталась только чистая эффективность. Как у золотых рыбок в самом дорогом аквариуме мира.

Экология разума и эмоциональная кастрация

Архитектор прошелся вдоль длинного стола, постукивая пальцами по корешку старинного фолианта. На повестке дня стоял новый протокол — «Апдейт чувств».

— Наш следующий шаг — внедрение технологии «Ровного фона», — произнёс он, глядя в окно на копошащийся внизу город. — ГЛИСС научился сглаживать эмоциональные пики. Мы убираем глубокую скорбь. Почему? Потому что скорбь заставляет человека замереть и начать думать. А раздумья — это семена бунта.

Он сделал глоток воды и продолжил:

— Но мы также срезаем и высокий восторг. Эйфория слишком близка к безумству, она делает поведение непредсказуемым. Мы стабилизируем психику ресурса, превращая её в идеально гладкое зеркало.

Один из молодых управленцев поднял руку:

— Но не станет ли их жизнь слишком... серой?

Архитектор иронично вскинул бровь.

— Серой? Нет, она станет безопасной. Зачем им страсть? От страсти болит сердце, рвутся связи, совершаются глупости. Мы — величайшие гуманисты современности, ведь мы избавили их от главного врага человека — от страдания. Мы даём им ровное, стерильное довольство.

Он замолчал, обводя присутствующих тяжелым взглядом.

— Давайте будем откровенны. Мы окончательно зафиксировали биологический разрыв. Теперь существует два вида. Есть Пастухи — это мы. Те, кто читает книги, помнит историю и имеет право на весь спектр боли и радости. И есть Ресурс.

Он указал вниз, на сияющие улицы Аквариума.

— Это биомасса. Потребляющая, забывающая, лишённая эмоциональных штормов. Они не рабы в старом смысле слова. Они счастливые потребители собственного покоя. И поверьте, они первыми убьют любого, кто попытается вернуть им способность страдать.

Лингвистическая тюрьма

Марк замер перед мерцающим терминалом в техническом архиве.

На экране разворачивались файлы под грифом «Лингвистическая оптимизация». Это была не просто цензура, а детальный план демонтажа человеческого мышления.

Первым в списке значился «Закон первого абзаца».

Директива для ГЛИСС была предельно ясна: любой официальный текст, любой указ или новость должны строиться так, чтобы смысл полностью растворялся после второго предложения.

— Гениально и просто, — прошептал Марк. — Они знают, что дальше никто не дочитает.

Он листал дальше.

Протокол «Смерть слов» привел его в оцепенение.

Тысячи понятий помечались как «архаизмы, провоцирующие когнитивный диссонанс».

Слово «свобода» заменялось на «удобство».

«Жертва» становилась «издержкой».

«Честь» и «душа» просто помечались красным — подлежат полному изъятию из лексикона системы.

Марк вспомнил лица людей в метро, бесконечно просматривающих яркие картинки. Архитекторы проекта понимали: если из языка исчезает слово, из сознания испаряется сама концепция. Нельзя хотеть свободы, если ты не знаешь, как называется это чувство.

Это была победа рефлекса над логикой.

Современный человек больше не читал — он сканировал.

Глаза скользили по поверхности, не цепляясь за глубину.

Цивилизация букв превратилась в цивилизацию значков.

— Нами больше не управляют через доводы, — Марк сжал кулаки. — Нами управляют через лайк и дизлайк. Нас низвели до уровня простейших организмов, реагирующих на свет и раздражение.

Он понял: ГЛИСС не строит стены вокруг города. Она строит тюрьму внутри каждой черепной коробки, вырывая из неё слова, словно кирпичи из фундамента.

Без языка человек превращался в биоробота, способного лишь потреблять и подчиняться, не имея даже возможности сформулировать свой протест.

Великая зачистка: костры ради экологии

Архитекторы вышли на террасу.

Перед ними раскинулась панорама города — безупречный оазис из живой зелени и мерцающих голографических садов. Но на самом горизонте, там, где заканчивался лоск и начинались индустриальные сектора, в небо поднимались тяжелые, маслянисто-черные столбы дыма.

— Красивое зрелище, не правда ли? — Старший Архитектор глубоко вдохнул очищенный воздух.

Это не был пожар и уж точно не бунт.

Это работали гигантские заводы.

В эту самую минуту по всему Аквариуму на каждом уличном экране крутились ролики: «Бумага — это смерть лесов. Цифра — это жизнь планеты. Освободи место для живого дерева — сдай мертвую книгу».

И люди шли. Тысячи добровольцев несли в пункты приема семейные библиотеки, искренне веря, что спасают экологию.

Истинная цель зачистки была циничнее.

Архитекторы знали: каждый сожженный томик Достоевского или Шекспира — это освобожденный терабайт на серверах.

Они меняли мудрость веков на вычислительную мощь для новых алгоритмов комфорта.

Молодой неофит, глядя на далекие дымы, неуверенно произнёс:

— Но ведь в этих книгах были основы нашей морали... Не слишком ли радикально?

Старший Архитектор лишь слегка улыбнулся, не оборачиваясь.

Его рука медленно поглаживала корешок старинного фолианта, который он оставил для своей частной коллекции.

— Мораль, мой дорогой, — это всего лишь надстройка над сложностью. Мы убираем сложность. Зачем им заповеди, если у них есть рейтинги лояльности? Зачем им «Гамлет», если ГЛИСС каждое утро генерирует для каждого идеальный, безопасный сценарий дня?

Он закрыл тяжелую кожаную папку с гербом Совета.

Звук хлопка прозвучал в тишине сада как выстрел.

— Вы зря беспокоитесь о безопасности, — добавил он, глядя, как дым растворяется в чистом небе. — Через два года нам не нужны будут тюрьмы и колючая проволока. Зачем запирают тех, кто сам боится выйти из своей клетки? Мы просто удалим из их словаря слово «свобода». И когда исчезнет звук, сама потребность в ней испарится. Нельзя хотеть того, для чего у тебя больше нет имени.

Диктатура серотонина

Старший Архитектор подвел неофита, того, кто обратился в новую веру, к стене, мерцающей сотнями мониторов.

Один из экранов увеличился, транслируя интерьер типовой квартиры на нижних ярусах.

Перед нами разыгрывалась сцена, которая в прежние века стала бы началом трагедии: женщина только что получила уведомление об «удалении» своего партнера.

Мы видели её лицо крупным планом.

В расширенных зрачках застыл первобытный ужас, губы судорожно дрожали.

Она глубоко вдохнула, открывая рот, чтобы выпустить крик невыносимого горя, способный разбудить весь этаж. Но в этот миг за её ушной раковиной едва заметно, словно искра, мигнул индикатор нейро-корректора.

Произошел биологический взлом.

Вместо крика из горла вырвался странный, подавленный смешок.

Мышцы лица, повинувшись электрическому импульсу, насильно сократились, растягиваясь в идеальную, «вежливую» улыбку.

Глаза всё еще были полны слез и смертной тоски, но лицо сияло казённым благополучием.

Чип впрыснул в кровь ударную дозу серотонина, мгновенно выжигая кортизол.

— Посмотри, мой дорогой, — старший Архитектор удовлетворенно кивнул на экран. — Раньше это горе вылилось бы в затяжную депрессию или, что куда опаснее, в социальный протест. Групповое недовольство всегда начинается с личной боли. Теперь же ГЛИСС просто «обезболивает» инцидент. Сейчас она чувствует лишь легкое головокружение и покой. Через пять минут она не сможет вспомнить, почему хотела плакать.

Он отошел от экрана, заложив руки за спину. В его голосе зазвучали нотки гордости за «химический мир».

— Гнев, ярость, скорбь — всё это энергетические потери. Зачем нам строить тюрьмы, если мы можем заблокировать саму возможность агрессии на уровне нейронов? Мы создали общество, которое физически не способно на злость. Это истинный рай, построенный на безупречной биохимии.

Неофит сглотнул ком в горле.

На экране женщина с той же застывшей, манекенной улыбкой начала механически прибираться в квартире, смахивая пыль с пустого стола.

Она была узницей собственного тела, запертой в клетке из принудительной вежливости.

Она могла ненавидеть систему всей глубиной своего гаснущего сознания, но её лицо всегда будет выражать одобрение.

— Это называется «Протокол гармонии», — произнес Архитектор, направляясь к выходу. — Мы не просто правим их миром. Мы правим их настроением. Счастливое стадо — это стадо, которое не способно даже нахмуриться на своего пастуха.